

БИБЛИОТЕКА
ДОС-
ПОЭЗИЯ

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос-Рус)
Б 69

ДООС-ПОЭЗИЯ

ДООС – аббревиатура Константина Кедрова-Челищева 1983 г. – Добровольное общество охраны стрекоз Девиз: «Ты всё пела? Это – дело!»

ДООС приветствует теорию и практику метаметафоры (термин Константина Кедрова-Челищева, предложенный им в 1978 г.)

Библиотека ДООС – ПО основана Издательством ДООС Маргариты Аль в 2014 г.

Редакционный совет: доктор философских наук Константин Кедров, Маргарита Аль, Елена Кацюба.

ISBN 978-5-9906507-2-5 © Л.Блинов, текст, 2015.

ЛОРЕНС
БЛИНОВ

ИЗ ПО+
СТИХОСТАСИ

Москва
Издательство ДООС
2015

От автора

Я стараюсь читать свои стихи так, как и говорю — в манере свободной и ровной беседы. Всяческое «поэтическое» завывание или чтения какого-либо иного рода фонетическими эффектами (равно как и преувеличенной жестикуляцией) всегда мне казалось какой-то бутафорией, сходной с выкриками базарных зазывал, стремящихся повыгодней сбыть свой товар.

И вычурность, и претенциозность чтения опасна тем, что она не только не помогает выявить истинное содержание стихотворения, но, напротив, чаще всего скрывает его за ширмой пафосного декламирования, наподобие театра теней, где мечутся все эти миманствующие нюансы речи, только лишь усиливающие все возрастающее желание самому прочесть исполняемое стихотворение, посмотреть, как же оно выгладит на бумаге.

Ведь даже после оправданно изысканнейшего и утонченнейшего чтения своих вещей поэт все равно должен предположить встречу его поэтического создания с читателем в обстановке, когда он, читатель, — один на один с книгой, где стихотворение будет обнажено, где оно вынуждено будет воз-

действовать только своим графическим видом и той системой образов, которая смогла быть выстроена и зафиксирована печатными знаками.

Прозрение бывает иной раз катастрофическим. Вся бутафория, эмоциональный накал, весь пафос чтения забыт — все явлено в своей истинной сущности. И часто, кажется, что поэт в своем авторском чтении потому так преувеличен, что скорее хочет скрыть эту сущность, нежели выявить ее. Это, конечно же, самообман; в лучшем случае — самообольщение мгновенным успехом, вызванным неадекватной содержанию произведения манерой чтения.

Истина же в том, чтобы чтением своим дать воспринимающему не больше и не меньше того, что несет в себе текст стихотворения на обнаженной странице с учетом, разве что, одного лишь обстоятельства — некоторой разницы в психологическом восприятии печатного (зрительно) и звучащего текста.

И только тогда, когда суть и содержание стихотворения действительно требуют, диктуют необходимость исполнительских аффектов, подобное чтение бывает оправданным. Это мы слышим, например, в знаменитом чтении Сергеем Есениным «Монолога

Хлопуши» из своей поэмы «Емельян Пугачев», где неистовство героя перед лицом возникших обстоятельств становится в исполнении чтеца прямо-таки устрашающим.

Встречается и другая манера авторского чтения — Бориса Пастернака, к примеру, с его доверительно-затаенным: «Идет без проволочек и тает ночь, пока...», когда кажется, что движение стихотворения — всего лишь рельефно выявленное струение тишины... Но есть, однако, нечто общее, что роднит столь несхожие художественные натуры в их отношении к звучащему слову: ведь и в том, и в другом случае это — либо предощущение, жажда покоя, тишины, либо благоговение перед Волей Безмолвия, изначального молчания, порождающего СЛОВО.

Ведь что такое поэзия? Музыка? (да и вообще — все то высокое, весь тот вздрог нашего общежитийского поезда, всякий раз внезапно умиряющего свой бег перед неодолимой зеркально вибрирующей утонченностью, зовущейся ИСКУССТВОМ?) - всего лишь полустанок на пути к ТИШИНЕ, пронизывающей весь этот звон Мироздания, предвстие Великого Покоя, — окно вагонного купе, раздвинув которое мы надеемся хотя бы на некоторое

время высвободиться из кокона наших повседневных забот и сует, связей и привязанностей, вечной спешки в мире бешеных скоростей, жестокости, гнева и шума, нужд и притязаний... Надеемся хоть на момент ощутить освежающее дуновение того ветра, который способен пробудить состояние изначальной тишины и покоя, состояние истинного смирения (с-мирения, со-мирения, глубокого единения со всем сущим), когда только и можно уловить волны безмолвия, которые уже сами по себе являются Словом.

И порой нам кажется даже, что мы начинаем ощущать в своей душе это удивительное преобразование, когда след кисти на полотне художника начинает вдруг светиться по-иному, когда вечерняя виолончель, либо знакомая поэтическая строка становятся неким «увеличительным стеклом», сквозь которое мы пытаемся разглядеть жизнь Мгновения, словно остановленного внезапно и вошедшего в себя все самое сокровенное нашей подлинной жизни, неведомой доселе нам самим и принимаемой нами за обычную череду серых будней.

Искусство оказывается тогда той драгоценной линзой, тем волшебным инструментом, который, приближая к нам мгновенное, исчезающее, позво-

ляет узнать в нем облик бесконечного и нетленного. Только приблизившись вплотную к этому мигу постоянно ускользающей от нас реальности, можно различить в нем приметы и черты той светоносной сущности, которая зовется Истиной на одном наречии, Совестью — на другом, Божественным Откровением — на третьем.

Собственно, только тогда и пробуждается подлинная высокая ПОЭЗИЯ, то есть то Неизреченное, которое многообразно **раскрывает** жизнь, а не **пытается заместить** ее собою. Даже и в лучших своих образцах. Музыки ли, поэтического ли слова.

ПОЭЗИЯ

ноэль

(интродукция)

мир исчерпал запас своих воз
можностей впрочем
можности множественны
и всё ещё м(н)ожно то и э
тои — эта
жом выше — жомно
воз прежних дикостей (костей! костей!)
глобальных ди дилэ ди Ди
лемма такова:

или — или

бы(ть) или вы

или вы-

быть из

(Кедров вы брал ИЛИ
но есть ведь еще «эль» и
в слове о Эль
«когда камней бесился бег»
некий Велимир
сказа: «л» это)

выть — вой — войны Ны ныне
и присно и во
веки мира уже почти за кры
шей огней полог ночи о
чей
всё уже взо
ры к тут — не спасти кс
«кому повем печаль»
и кому мы му — му с кам
нем — о — прощаемся общаем ся возвраща
емся на на круг(и) свояго вра —
врата в *пра*лайю Ны
не широки
грядет се —
но миг(!) как онъ Я сен
и (п)рек
как он красен и (п)речист голуби
зною (знаю) своей — ей ему ей мне (ей, ей!)
И (пра!)
есть вед(ь)
Эль
вести
И Ны
х

I. ТРИПТИХ ПЕРВЫЙ

1. Чарзор

Прозрачный лес застыл в оковах
суровой сумрачной зимы.
Ни инея, и ни сугробов,
боргус и ни — ничьей вины.

Ни вечин чин, и я — ениен,
и мизон чар, и взоры муз.
И нов узор. Силен сарзые.
А в око выл чарзор ворус.

2. Бын

Он лежал сияннолу'че —
искренний, как шимпанзе,
Если бы не этот случай,
не пролочь ему уже.

Ленч — ежу. А Далю — дали.
Жулечане — жулячей.
Бился бын. И не туда ли
созен ми тунхоз очей?

Нет, не лечь ечани в лаче —
чомони желали ночь.
Ныби чаяли поклачи,
тени ны, как лахи, - прочь.

3. Как всегда

Стужа — же всё и уже;
кружится и кружит *зонь*.
Жуажут уже снаружи —
впросолонь, а не впросонь.

Не закинуть сети в нети —
йети *таен* и далён.
Колосор еще заметен,
но *сорквен* — тужаужон.

Туже взор. Сияют ружи.
Журтозан — тизуркиязн.
Жаждут журансежа души.
Та же стужа. Тот же — аз.

8-11/1.13. XXI.

Интермедия I

*Узок язык —
Боли и молнии!
Музыка, ты —
Воля безмолвия.
Узы. Азы.*

2. De profundis

И. Цветкову

Что ищет пламя в человеке,
когда из недр прабытия
вторгается в слепящем беге,
нас озареньем леденя?

И над бездонностью летя,
в пучине намечая вехи,
какие нам сулит утехы?
Чем дышит Музыки ладья?

Кто в душу пращура седую
смог искру заронить живую?

Где глохнет всякая струя,
как Он сумел исторгнуть реку?

Его зыванье к Человеку —
есть обретенье бытия.

3.

Бездонные сгустились тени.
И — отодвинулись огни.
Лишь пальцы — в клавишах одни
души нащупывают уравниенье.
Да! — Математике сродни
такая степень приближенья
к тому, что не дано постичь!
Чью тайну Фауст знал когда-то,

и Лист, вздымающий сонату...
И тот взыскующий вопрос
(среди гибельных утех и грёз):

«Как жить, чтоб ЗВУК был не запятнан? »
(пусть — хаос и безумье рядом) —
никто не в силах исключить!

4.

Лишь одной
снежинке
стоит не выпасть
в пору, когда она должна
упасть —
и белая песня
становится черной...

Но я говорю
не только о снеге.

Одному лишь цветку —
не вспыхнуть
тогда, когда все говорит о том,
что должен
цвести он, —
и в град обращается
каждое слово.

Но не о цветке — я...

Лишь одна струна
не откликнется тоном,
созвучным искре глубокой —

и вот уже
 ягненок
видит во сне:
кто-то гладкий и потный
душно глядит в глаза,
омерзительно-ласково трогает
выступы будущих рожек,
хрипло бормочет:
«Где ж
 мой нож?»»

Но мне
 о музыке лишь
 хотелось напомнить вам.
О *музыке* только.

III. ПАРАЛЛЕЛИ

1. Знаки осени

Элегия на 13 японских слов

А к и — осень, пустота
а к а и — красный

Словно песнь,
*окай*мленная
красным кленом,
в тихий сумрак
опустилось лето.

н а м и — волна
н и в а — сад, двор

С *нами*
пустота небес
и *нива...*
С *нами*
волны речки,
сад и двор —

с а б а к у — пустыня
о с у — толкать

кругом пустынно:
собаку
нигде не встретить.
И не вытолкнуть
осу из дома.

п а н — хлеб

Словно *пан*,
иль хлебный знак,
на отражение свое
глядящий,
в тихий сумрак
опустилось лето.

о м о й — тяжелый
о м о и д а (су) —
вспоминать

О мой лоб тяжелый!
О мои далекие
воспоми~~н~~анья

о й — много

О и те
бесчисленные думы,
что за первым снегом
понесутся!..

д а й — подставка, стойка,
плато
с о р а — небо
д а — быть

Дай мне устоять,
Моя опора — небо!
Дай избежать
сора!
Да! —
отныне: быть
или не быть —
едино ...

2. Ладна

*«А в омуте синем
Листья кувшинок».
В. Хлебников*

Я пламя зажег
чтоб кашу сварить
но в воздухе синий

*Будильник
повис*

и белые *велязи* в даль понеслись,

и дух тополиный

замшелым туманом

сошел

на вечерние думы

*кустарник
нагой*

чуть приметна дорога
глубокая тонкая топкая

*пыль
сереет и
где-то справа*

колодезный журавль
как призрак зенитного орудия 1941 года

нацелился внезапно куда-то ввысь
на сизосвинцовую тучу

Солнце

угасло давно
и блистание иволги долгой

померкло

и шум камышей
затаился и каша
томлением вся изошла

над усталым костром

и прогорклой прохладой

изогнута память

пушинки
сквозили в тиши и летучие мыши
шмыгали шустро

*и ладная песня
ладьей неприметной
отчалила тихо*

и тихо
скользнула

в глубокую темень

волнуя
ночную волну

3. Вертикаль

и тени

и в пруду

колокола

немые

руины

луны

задумчивый двойник

листвы

завеса

капель

тяжелых

робкое свечение

тишины

далеких дней

взывание свечи

угаснувшей в углу античный торс

палитра сиротливая

и кисти

и холстов пугливых нетерпение последний

автопортрет

багровой тишины

руины

луны

и тени
и в пруду
далеких дней
двойник задумчивый
тяжелых капель
колокол немые
и листвы
свечение
небес
и дева

и храм невидимый

IV. POST HOMINUM

1.

Снова песни перепел
перепел.
Север сыпал перьями —
свирепел.

Сколько ж это нужно *и*звести
извест*и*!
Вьюга метит избы все
и — свистит.

Кем-то мысли велено
спеленать..
Снежной кистью *белена*
белена.

Не дожидаться, видно, лиственной
вести нам.
Снова рядом — истина
и — стена!

2.

Под небеса взметнулся поезд.
Дуга за насыпью легла.
В мятущуюся даль угла
слились огни, не успокоясь.

Медведицы небесной кость
дышала жаром интеграла,
и радуга слегка играла,
и вдаль созвездие несло.

Весь мир движением объят!
Блистая на стреле единства,
миг — в бесконечность устремлен.

И в дебрях мозга рыщет зверь.
И сердца трепетная дверь
тончайший источает яд.

3. Andantino

Как отзвук золота в изломанной воде,
дробясь и растворяясь в тьме падения,
осенние листья в неспешной суете
ложатся тяжело

на дно
осеннее.

И тихо светится печальный сев
печальных дум в невидимом парении —
и ты отмечен дивным озарением,
внезапно сам куда-то полетев.

И всё слилось: дыхание коней,
и бересты берёзовой дрожанье,
и талой пади обуянный бег...

В душе искрится отдаленный снег —
и взор твой тонет в бездне мироздания,
как в золоте листвы — струенье дней.

4. Элегия

Остыла голубая речь
почти безоблачного неба.
Мы всё глядим вперед,
а с тыла
подкралась осень —
рушить, жечь.

Зеленых сосен и огня
не выправить противоречье —
уже сутулит осень плечи,
едва палитру приподняв.
Но клен все ярче, все светлей...
Седым предчувствием задета
синица ищет меж ветвей
последние крупницы лета.

Внезапно сгинул звон стрижей.
В полях — грачей напев картавый.
Кочуют лунные октавы
между забытых рубежей.

И не к чему уже стеречь
желтеющую песнь поляны.
... Поэт бормочет, словно пьяный,
про остывающую печь,
про догорающие клены,
про тайну черных лебедей,
про пруд, морозцем остеклённый,
не чуя, что скользит по склону,
сгорая,

собственная тень.

Все суета! —
устало море, устали травы
шелестеть.

А осени — не все равно ли:
сжигать поэта
или — степь...

5. Последний лист

Осени меня, осени лист.
Осени меня сном и свободой.
Осени своей тихою одой,
морозящей судьбы пианист.

Осени светом солнца — в прожилках,
легким отзвуком давних надежд.
Знаю: трудно считать старожилом, —
кто так ветрен в листве и промеж

этих листьев, и этих падений,
этой жаждой истлеть до конца! —
между медленным жаром прозренья
и — внезапным ледком у крыльца.

Ты мгновенен. И — все-таки — вечен!
Вечен твой обнаженный полет —
и тогда, когда светом отмечен,
и тогда, когда иней падет.

...Осени ***и*** меня инеем писем —
тех, что, может, меня не найдут.
Первый снег будет чист, независим.
Ровно не было этих минут.

V. ТРИПТИХ ВТОРОЙ

(Осенний)

1.

Очинен яд трубы велиен
ночиен сон из молний лет,
приятен вид деянных линий
и прямоловен истовед

изга! изга! – горело слово
и слава высылась из Я
изъяном «вы» теснилась нова
небесней правила стезя.

2.

Он умел рисовать
неизбежностью лет
неизвестность побед
проступала проста

и когда красота
просыпалась вослед
вновь теснились усталые
грёзы холста.

3.

Прямо с голубову неба
прядал маленький снежок
мы гадали: былъ иль небыль
озираясь окружо

озерко ещё не льдисто
и карась – не приторел
светень пролесью цветистой
к зимней не сведён поре

VI. MementoRoom

1.

Свидетельством нездешнего живу.

Все то же внешне — суета и служба.

И поступь — обстоятельствам послушна,

и речь — наружному подобна шву.

Она связует все, что наяву

волнует кровь. И что душе — ненужно.

Трудна с самим собою дружба!

И чтоб в ладу прожить, —

весь мир в себя зову.

... В душе проснется осторожный сон;

скользнет и загорится птица;

прозрачное качнется колесо;

и звук во мгле забрезжит, заструится...

И вот — рояля черное весло

Ладью мою

к истокам понесло.

2. У портрета Оскара Уайльда

Юрию Евграфову

Я не хочу идти налево.
И не хочу итти направо...
Возьму индусское полено,
зажгу смолу, вдыхая *прану*.

Мне правила осточертели —
я хочу петь и чертить *птица'риусов* где попало.
У Ганга для меня качались ели,
в Уганде — снег блистал; и явью были мне
следы Сарданапала.

Соборы гор, веков далёкие равнины —
отдам я всё; но за сияние луны — в ответе.

И тот, кто прежде парадоксы плёл
и был мне мил в своём достоинстве ленивом
(а для иных, казалось, он —отец и мать), —
на дориановском холсте остался истлевать,
лишь сардонической усмешкой светел...

3.

Я себе давно не верю —
верю ясному лучу,
верю в тихую потерю —
в то, то разом улечу...

Мудрости не захочу.
Разум — предоставлю зверю.
Беспредельность — не измерю.
Тишину — не растопчу.

Обнаженность! Вот она —
дверь спасительная — к свету,
всем нам — верная тропа.

Выспренность — всегда глупа!
У Природы — нет ответа.
Лишь Вопроса глубина.

4. Южный Крест

Меня однажды осенит
родившийся в иных широтах,
сквозь тьму и лунную дремоту
разрядов сея резкий треск,
вращающийся Южный Крест.

И мир перевернётся вмиг;
и ковш обратных сновидений,
как рой остроугольных теней,
качаясь, двинется на дно...
И вспыхнут за стеной воды
ввысь уводящие следы.

Душа спокойна и легка:
я вдруг проснусь и стану частью
неизреченной чистоты —
где ни тревоги нет, ни счастья,
где льется неизбывный свет.
Где нет вопросов. Лишь — ответ.

5.

Как Вещь сквозь кувыркание граней
внушает вечность бытия,
так я — тем больше постоянен,
чем более изменчив я..

Мне не вместить себя — в себя,
как луч — не спрятать во Вселенной:
весь мир являя плотью бренной,
мне душу в ней укрыть нельзя..

И ни на миг не удержать
скользящей истины мгновенье!
И всякое стихотворенье —
п р е о б р а ж е н и я п е ч а т ь .

VII. ИНВЕНЦИИ

С невозможностью — в ладу,
с недоступностью — в доверьи:
в мире радостно иду.

У Природы — добрый зверь я:
к свету обратив лицо,
беспредельностью лучась,
слышу изначальный глас,
и ловлю за озерцом
дивный зов ПРЕОБРАЖЕНЬЯ.

Обращаюсь: в корни трав,
и в текучие туманы,
и в гнилушку-светляка.
Обращаюсь: в звенья звезд,
и в личину короеда,
в тушу мощную быка...

И — в нагар свечи безгласной,
в рассыпающийся прах,
в сон утеса безучастный;

в сеть серебряных озер,
и в пучину новолунья,

и в багровые миры —
кровь, летящую по жилам;

и — в степной колючий ветер,
в овселенный полет —
в пропасти без направлений...

И — в значенье слова «гений»,
и — в совсем наоборот;

в лед реликтовый безмолвный,
тьнь предвечного Креста,
света мировые волны,
в истину, что так проста.

Внятен мне Язык Творенья —
недомолвки мудрецов
сходятся в конце концов
в ясный тихий луч прозренья.

...День — безумен и — велик.
Изнурительно-прекрасен.
Волн луноязыкий лик
с вечера — огнеопасен.

В чаше, меж седых колонн,
масло жертвенное блещет;
в сумрачные входит вещи
океана мерный сон.

Звезд огнистая вода
увлекает в заглубинье...
Гроты осеняет иней,
радость — душу (иногда).

2. Фуга

Зима.
Алмазы.

Пёс тихо бредёт по небу.
Он боится пораниться.
Как она широка —
эта арена.

Груда бачков
из-под пищевых отходов.

Восхитительная битва
обрушилась на чёрный ковёр.

Ночь.

Зима боится пораниться.
Лучистая музыка
покусывает пёсьи лапы.
Двор неогляден!
Пёс глубоко заглядывает
в каждый бачок.
Восхитительные осколки

обледенелых запахов
прожигают насквозь.
Дыбом распалается шерсть.

Алмазы.
Тихо дымится хвост.

Зима глубоко заглядывает
в каждый бачок.
Как она широка —
эта арена.

Лучистая битва охватывает
Весь чёрный небосвод.

Груда ночей дымится
в каждой бачке
из-под пищевых отходов.

Зима неоглядна.

Обледенелый хвост
боится поранить
пёсьи лапы.

Бачок.

Алмазная музыка
пронизывает насквозь.

Как она широка —
эта арена!

Пёс тихо бредёт по небу.

3. Интермеццо

... оттого-то это и не была весна
оттого-то и было
так распахнуто гулко на душе
синё и прекрасно
что снег не только нигде не таял
но тихо
будто бы ночные кристаллы
или бельё не морозном воздухе
испарялся искрясь
и казался
на фоне слепящей синевы небес
на травах
кустах
среди неожиданно буйных и розоватых
щемящее-безмятежных яблоневого островов
освежающими вспышками
или бубенцами
или семьями пушинок
сгустившейся
выпадающей в осадок тишины
парящей хрупким облаком
ледяных одуванчиков или

Это была будто Япония
Это будто Хокусай —
 генс хатевцан
 угенсаны тевиц
 генс
 генс хатевцан...

Снег
не только нигде не таял
но тихо
 тихо
словно бы это был сон
оседал искрясь
оседал
испарялся и
или

это в общем-то и был сон —
 угенсаны тевиц
 хатевцан
 угенсаны тевиц

Небо было пустым
пронизывающим
звнящей своей голубизной

весь этот ломкий хрустящий воздух
весь этот морозный зной
зажигающий и настраивающий
длинные ледяные струны
полные созвучием ослепительной радости

изящно и тонко вибрировала
исполинская глыба
торжественно-искрящегося аккорда
со вмёрзшими в него
седыми фантомами трав
и цветов
с лунной секирой
внезапно вставшей
над всеми этими вспышками
яблоневых островов
над семьями пушинок
 парящих хрупким облаком
 в прозрачной тишине
с освежающей тенью
качнувшихся бубенцов

Солнца не было.

Но оттого-то и было

так распахнуто гулко синё
и прекрасно
что казалось
стоит лишь обернуться
и оно непременно окажется
где-то у вас за спиной
и ты будто бы чувствуешь эти лучи
и запах

тонкий вкрадчивый запах
тянется невесть откуда
и уже можно уловить в нём
едва струящиеся весенние токи
с робкой настойчивостью пробуждающие
яблонь
неожиданно-буйную
розоватую
восторженно-дымящуюся душу
какие-то холмы
пустыри нескончаемые
какие-то серые
замшелые деревянные строения

чьё-то бельё
на морозном воздухе

невнятные
коричнево-зеленоватые пни
огороды
но они не только не нарушали
всего этого хрупкого облака
сгустившейся тишины
но тихо и не наставительно
шаг за шагом
приближались к нему
снимая осторожно
польхающие бинты
нескончаемо льющейся голубизны
весеннего обновления,
восторженно-искрящейся
нездешней радости,
внезапно уводя от ощущения сна
разрушая
вибрирующую напряжённость
высоко поднявшейся ночной секиры
заполняя земными предметами
тоскующую пустоту пространства
робко и вкрадчиво оседающего
на травах
кустах
стоит лишь обернуться

хатевцан

угенсаны теџ

... голоса

освежающие

январскими огнями весны

4. Ноктюрн

...Балкон был — настезь.

Луна торопливо соединяла разбившиеся,
разбежавшиеся ртутные шарики.

Что-то огромное возвышалось над нами.

ОНО стояло, будто прислшиваясь,
небрежно прислонясь и опираясь о косяк,
наподобие снятой с петель двери,
у которой вместо балконных стекол —
барабанная перепонка дрожащей предутренней
мглы, насквозь пронзенная последними
прозрачно мерцающими ночными спицами...

«и будто иволга заколыхалась
в лесном прохладном полусне»

Нет, я теперь совершенно отчетливо
припоминаю, что это уже было, что у кого-то — не
у Босха ли? — я уже видел;

встречал когда-то это настроение, эту картину:
гигантские пласты какого-то единого всеоватного
катаклизма и на переднем плане —
огромные два уха, разделенные тупым
холодным зазубренным тесаком и прошиты на-
сквозь каким-то длинным стремительным

острием, пронзенные и одновременно как бы скрепленные этой, застрявшей в них булавкой...

Безразличные к творимой над ними вивисекции, они стоят чудовищно прямо и бессмысленно, придавив собою бедных, голеньких пресмыкающихся людишек, пытающихся выскользнуть-выкарабкаться-уползти, освободиться от этой непомерной тяжести, и сатана, поселившийся в одной из этих ушных раковин, участливо предлагает и протягивает им руку «братской» помощи...

Огромные два уха, вставшие во весь рост.

5. Чакона

Я не знаю ЧТО это такое ...

Во что оно выходит. Во что входит.

В тебе?

Во мне?..

Как — ОНО?

Здесь ли?

Дышит ли? Одевается?

Для чего?..

Не в наши ли

рядится

обжигающие миры бессонниц?

Не в листву ли?

Что Ему ближе:

синее —

или эти ослепительно-мерцающие ночные спицы?

А листва?

Это ведь не ресницы же поэм наших?

А поэмы —

быть может, это кто-то подшутил над нами,

подсунув однажды нам эти моря

из чудовищно-колышущейся вуали?

Не скрывает ли нас эта сцена? —

этот

серебристо-мерцающий Млечный газ?
Не декорация ли
вся эта кисея пожаров
и закатов?!

Не скрываем ли мы от самих себя
этот юмор?

Для чего?..
И где — горизонт?

Он —
не в тех ли глазах уходящего
снежного барса?..
Ведь и Антарктикой пахнет —
— пахнет пронзительней ириса —
если рядом — алый
клокочущий зев аллигатора...

Где же следы?
Я — закат? или я — то, во что Оно
входит?

Но почему я одет!
Не укрывается ли Оно — мною?
От ЧЕГО?

Не одевается ли Оно точно также,
не напяливает ли на себя
мои глаза?!

Оно —
— это я?!

Оно — это снежный барс? ирис?..
Бирюза —
— это слово,
Или осколки Его взора? —
— в тебе..
во мне?

Что это такое — ЗДЕСЬ?
Здесь — это где?
и где — в ком оно
это глубокое саморастворяющееся ГДЕ?
«ГДЕ» — это... — Государство Дум Его?!

Где ж горизонт? границы?..
Что ему ближе:
бархатный леденящий зев ириса
(серебристо-мерцающий),
или — звенящий
чудовищно-колышущийся зов
барханов?

Или... тихо оседающий в нас
ил бесконечности?
Не погружается ли ОНО в этот ил?
Какими корнями? Каких миров?

Для чего?..

Что прорастает сквозь нас?
Каким ослепительным стеблем
прожигается изнутри
это безудержное зеркало?

Что склоняется над ним
и трепещет?
Ведь не ресницы же поэм наших!..

Сон —

это ослепительная белизна воспаленных

лилий,

или бессонница Его?

— наше страшное эхо,
вообразившее нас
тысячелестковым своим откликом?
вновь и вновь отбрасывающее,
загоняющее нас
за черную плоскость своих зеркал!
опрокидывающее в эти взвинченные глубины
чудовищно-колышущейся амальгамы...

в эту

громыхающую кисею

дымящихся дней —

— усталых

— бодрых
 — осторожных
 — летящих
 — будничных
 — беспечных — торжествующих
 — молящих
 — алых
 — злых
 — оглядывающихся
 — пугающих
 газетствующих — хохочущих — магниевых
 — стрессовых
 — пышущих — лавсановых — древних
 — спортивно-клавишных
 — компьютерных
 — черных
 стекло я
 ты
 — голубых
Что
 — сталь — он
 — оранжевых
 — следы **это**

— революций

— бетон

такое?

— они

— по

— нестоящих

— интернет

... ОНО ли это?

Интермедия III

*Течение наших глубинных струй
иной раз уводит туда,
куда и падающая звезда
не в состоянии заглянуть.*

IX. ИНАЯ СЛОВЕНЬ

1. Аксиопа поиска

чернЯгу агУ Агу
Агу агУ чернЯгу

чернЯгу агУ-агУ
Агу агУ – мАгу

магу, агУ, – магу
магу-магу агУ-чернЯгу

Агу-Агу агУ Агу..
Дайте же мне – бумАгу!
Агу.
Агу агУ

2. Речевола

Содежнеченно ревеск содеж
соццедаенно ут ранечен
сыдовыдужно жуды-ровы
согирондеж идан волосон

Соверлоченно жоен закіе
ещно течен нечовет казен
и о ераж чевола онце
соловдижен ондижо ечен

соловнечен ондижо содежи

3. Нокс

ш у ш **у** жу

у л с **о** й

ш у **о** н ю

в **у** к м у к

к у д **е** у

о х **ы** ш

т **у** и у

б я к **а** п

о у д о ш

э у т э у а м у к н

е т н у у ш д у н **ы** у

4. PoKot

Утро — кoрту,
УТро ко рту.

Тут ров. Ор тут!
Утро. Ан! — аорту
рта ест. Се — ART.

5. Бесконечный НонаК

обеч**а**яно
чуна **б**она
чуна**б**еенно
окуч**а**ба

а ноб**а**нучо
абоч**у**ка
онне**б**еенно
ноя**у**бечу

||:чуна**б**онока
н**у**чонуч**а**нобо
бокуч**а**нучо
чоб**а**нуко

конуч**а**бенно
оннока онна**а**кабу
кабу**н**обен **о**ннебе

нобечу бе
очуна**а**чено чуна че**е**нобо:||

че**е**нобо бо ноба**а**ко
нобаче.

6. ЗвонцАны

Я — в звонце —
конце конца
манца

<..>

Я — в манце —
звонце кольца
конца

<..>

Я — в кольце
манца*a* конца
звонцов

<..>

Я, в конце концов, —
манца*a*
отцов... кольцо
гонцов

<...>

манца**a**...

<...>

Я — в кольце-
звонце отца
гонца.

7. Хашуаны

(восточный мотив)

Ан! – уан... Шу – ашу.

Хан шуха, хуш – наху. (Ан, уан!)

Ну, хаша! (Шу ашу.) Ах! – шуа.

Хы... оха – аш уа.

Ух – аны! Ша, ауш! Ны – ау.

(Ан – уан! Шу – Ашу.)

На уша.

Х...

8. Верочья чора

Чья чора вер? Чья – чора?

О чья чора роч? – Рочья чора?

Чора: **о**рочья? очер**о**чья?

Чора: р**е**вечья? ревер**о**чья?

О чья, чья – чора?

Чоре – **в**ероч,

чоре – роч.

Чоре – **о**роч.

Речевоч.

Ароч! ароч!

О чья – чора?

Х. ЛИКИ МУЗЫКИ

1. ДООСу

Жур – нал ПОэто – Введение

в жур –

ча(я)ние

и видение

вед

и дев – стрекоз

и коз

и кор (о! в новь и вновь)

овнов

и овновых рун

златых

и крылатых

дивнозавров ПОэтовых

ПОэтоМУ –

мы

ча(я)ние

кедровых

и Стрекозых
тончайших слов и дел

крылышкующих
золотописьмом

вы
со (кого?)
бу
(How) ду (you do?) щего
жур –
нала ПО

2. с Мы и – без

Памяти Генриха Сапгира

мы **Мы** мы мы
но
человек живет без мы
(е)сли —
sos! sos! Со

с тав

ос тав

ляет мыс мы — с — мы

с мы слпро живет и без но ↴

но

это увечье вели, отче,
века ве-ка как нечто без

ос

в небе

чело чело

птичье

с мы

↴ г

3. Сушь

Потому-то **му**
Не столь уж и **муторно**
(он, рот, - УМ!)
что ← слово «вол» ← с, от
чёт ли вое, как мы
ча(я)ние, поэту с
родни и сродни
тому и
тогу, ко торы
й с й снимае
т
тогу и сродни **му-** ,
с
родни **-зыка**
слова «вол» — с .
Словолов, он —
и то МУ
и ТО гу
не равен (не варен, не верен, не ровен)
Поэт — не **ТОТ**.
оНне великоЕгип'ЕтскоЕбожество древ,

НО СТИ
ХИЙ, НО СТИ ХИСО
ЧИНЯЮЩЕЕ СУЩ
ЕСТВО.

ЕСТ ЕСТ ВА РАС

СВЕТ , А НЕ **И**

ТОГ.

XI. ИНОЕ

И 1. СВЕТОФОР

й

й ы й

йы Ный

ЙЫН ЁНЫЙ

йын СНый

йынё лёный

йынс аСНый

йынёл елёный

йынса раСНый

йынёле зелёный

йынсар кРАСный

йытлё жёлтый

йынёле зелёный

краСНый

елёный

РАСный

лёный

аСНый

ёный

СНый

Н ЫЙ

Ый

й

2. (те и) Эти – кетки

1. Саррот
Н. Здес
ь. Откр
ойте: К
нига...	4. Кьеркег
ор С. Н
аслажде
ние и д
олг.	6. Сидор
енко Е
В. Псих
о драма
2. Краткий
Философ	5. Семенов
а. Трен
инг эмо
циональной
ной...	7. Чуфаров
ский Ю.
В. Псих
ология
обще
3. Ф. Ниц
ше. Так
говор
ил за		

3. Вырази

Выраж I.

К(РОТ)ость ЮЯ НЕ(Отли)чаюСь

Выраж II.

ЗВУКИ – *паУЗЫ* тишины

Выраж III.

Велязи взяли весь **в**язь,
резв**я**сь.

Коан

- Точно, что доста-
точно?
- До ста. То.

ХII. ПОЭЗОДЕЛА

1. Узил

Я спросил об УЗИ.
Но вместо УЗИ завязался узел
того разговора,
что краше воровства.

Свидетель был их общий знакомый.
Знаком подозвав того,
что был *краше воровства*,
он спросил об *узле*.

Узел не развязывался.

Язык. Нельзя.
Развязать не удалось.

Все туже и туже.
Все ху и ху же —
как простота.

Что хуже во сто крат УЗИ,
вор был их *общий знакомый*.

2. Sis

Тема

здраво-о-о-о-о-о

хранеНия

ни ты

ни о-ООН

sos!

ны немь

здраво

о-о-о-о-о-о-

Хр!..

3. Зилана

(в стиле «Go Laid»)

– **Ри.**

– Ну?

– Ри, **но...**

– Ну?

– Но **си...**

– **Ну?**

– **Си...**

– Ну-ну!?

– **Три.**

– В смысле:

«три – четыре»?

– Но, три. Те – реть!

– На треть?

– Но, по – tutti quanti:

це – ли – ком!

– Ком?! Цели?...

– Цели ком: Ри?

– Но.

– Си?

– Si, си.

- Ну и...
- Т...т...три!
- Но Ри...
- Но, по, – си! Си...
- Ну-с?
- О sinus и три.
- Осину?!
- Ус!
- Ус?
- Ус оси!
- О синус?
- Si.
- Ус?
- Си.
- Ус ос...
- Осин ус – о Си!!
- И?..
- Три!
- Но...
- Ну?

– Ин ус оси — он, вестимо,
 есть и осин ус;
 а *sinus* осин — Ри? Си?

– **Тхр!**

– О!

– Тхр! **Он и...**

– Ну?

– И **ческ...**

– И?..

– И **ий Рин!**

– **О!**

– Но **си...** *si...*

– Ну?

– Си...

– **Ну-с?** Си, **и**

– **Т!**

4. Мелизм

Кон — це пту.

Ал изм,

но

мер (ь): ну...

нону ль,

ме ль,

КОМ

изм —

це

ль

5. «К»

Вл. Киносьяну

ПА!

(с закрытым ртом)

нн...

Йцыв!

Кенг шлорпамс вцёюбти?

Иммс...

Чяффф!

(отходчиво)

Бя

яфф

(удивлённо)

Некуц фывъ?

(горделиво)

Аппр

ол тимсчяч!

Чяячы!

(словно задувая свечу)

Ф...

повторяться
повторяться нельзя

ничто!

повторяться нельзя
ничто не повторимо
ничто не повторимо
ничто не повторимо

нельзя
повторяться

ничто!
ничто не повторимо

повторяться
нельзя ничто не
повторимо

повторяться
нельзя ничто не
повторимо

нельзя

не повторимо
повторяться
ничто!

повторяться нельзя

нельзя повторяться

ничто!

Повторяться
повторяться нельзя повторяться

ничто!

нельзя повторяться
нельзя

ничто не повторимо

ничто!

кроме...

XIII. NOTA BENE

по следам недавних юбилеев

Алексее Крученых

1. ОПОФОМЫ

ОРОТНОМУС

Опыты поэтико-фонетической музыки

№ 1

И о у э л

МЭО ИМФОТЭ

Зивю*и* жуиютэнь

Улады илфэа.

Мёфо эиль —

элаь...

Шггнеммг!

№2

Ропройт И т т *и* м ч
И И П «» «

Аенг ийт*и*ро —
ячс*и*ть вапролдж!
Вапролдж
йц*у*кенг!.

№3

Гарст Р а н г л а ш

Говк раоч

ьмж**о** игг

стю'ьс!

Шэду ьрх

оч

ра ц**ю**а!..

Оую

щ**а**нк

п**ь**и —

Ц!

Тмээ

ту**е**к

з**ь**и —

Гц!

Р**и**я окэж

о**ю**сташь!..

№4

Руэ ио Яэрли
ЭЙЛЕГЭЦ

Таши
нифэ
оп
разф
мют
эит
аоппл
Тэмти!
Оппн
фёюшти
опоф —
Омти!..

№5

Гоаг Й а х а о

Г И А З О Ч

Гиэги —

гатэа

гатэа...

Фрэья —

эят

эоф...

эят

эоф...

Эоп ризэ?..

Нэлятжи —

шээ

рэлф!

...гатэа

гатэа...

Еуэм арч!

Мэлч!!

Раэлф

шиаз

Г И А З О Ч...

Еуэм арч!
рэл!
Гаэья *у*нкъ...
Элы
фриэл
опэоф.

№6

Чёрв О у р и м ж о г

Аоаш гизом

отыжьи.

Оишт ъомиз...

Реюч гис

под гис

эы...

Иэ гиэрч!

Еттфэ **о**ишт ъомиз...

Нехш

и омиыж —

а р ф ж т!

Сэлс

арзыо

аимз —

у щ!

Окгу имж **О**егф!..

Жос

Бажлыкт...

И ф ж ь!

№7

Покш Уимэй

Поыэл,

яэл,

тэио.

...ъшк

офъм

шпър...

Ен йщом — *уоу*...

Жъиз —

поу шуо.

Лвтдпр!..

Мьтэ сэтм бялы

яоп фиммо...

Нарфжм!

Эцшесть шоаь!!!

Тох гиих ривчш...

...крм...

...йыжгц...

...ржв...

К т ф д с ь с!..

2. Хы! – Не чурка А. Крученых

(палиндромический перевод
знаменитой зауми)

«... орущие, как хлысты
на радении – дыр, бул, щил ...»

Вл. Маяковский

дыр	бул	щыл	[X] лыщ ¹ – луб ² рыд ³
убещур			[Т] рущебу (-а)
скум			мук – с ...
вы	со	бу	У! босы – в
р	л	эз	[А] з: эл, эр ... ⁴

(А. Крученых)

1. Хлыщ, хлыст (по Вл. Далю) – «фат», щеголь, «повеса»; хлыст – также: «изуверский толк раскольников (хлыстовщина)».
2. Луб (луп, лупить) – подкорье, исподняя кора (Вл. Даль).
3. Рыды – сборище «рыдальщиков», жаждущих радений хлыстовских, одержимых желанием содрать с себя «исподнюю кору» (Л.Б.).
4. «в аз(ы) того же самого «луба рыд(аний)» (Л.Б.).

Велимиру Хлебникову

1. Слово о Велимире

Посмел
рискнуть ты воскликнуть:
«О, вы ли,
что древним зверем
на новое выли,
поймёте
о чём искусства законы
глаголят,
в цепи невежеств
закованы!»

Сквозь всех и вся —
глаза твои были.
Скрутив смерчем взгляда
прошедшего были,
ты их воскресил!
И даруя им боли,
подъял над собою,
как «колокол воли»,
как кубок песен,
неистово-чистый.

Вперёд ты смотрел,
будетлянин дерзкий,
сквозь звёзды —
зародыш жизни икристый
на землю —
мир и чудесный,
и мерзкий,
чтоб в мысль растопив
всё, что смело
и ново,
отлить
в свободное слово —
оков бич.

А клич глапоглавых:
«Мыслитель, —
иного!»
повержен
усмешкой твоей:
такович».

2. Дань 63

I

Хоть пруть мышлевичей своих
и убеждь в правильности,
Я — нороль мышлевят иных,
Я — любождь крайностей.

II

Как пруд,
что утопь тоск химер,
труд —
лучше всяких прочих мер.

III

Даже у нас,
слуг чаяния необходимости,
есть элемент случайности:
в-небо-ходимости.

IV

Уж лучше ты бросай камень,
но не навязывай-ка мненье!

V

Читающий и чтящий стих,
в высказываниях — чаще тих.

28/ III-1963

3. Веснение

*(к 40-летию возникновения в Казани
Поэтического Сообщества им.
В.Хлебникова («ПОСОХ», 1973-1985))*

1.

Зиме пора весниться:
медведи голодают.
Пожар хвоста лисицы
бледней – цвет меди тает.

И пусто в чаще смеха.
Капустой бредят зайцы.
Сожги хотящих снега! –
пусть паром выстилаются

Снегурок растопив,
ярьсь Ярило ярю! –
Весенний шли мотив
на зависть Заполярью.

2.
зАНЬ

арба
трам
марта бра

марта бра –
арбат рам

XX-XXI мартабры 22-23

3.

Надо отойти —
иначе ошарашит!
Обожжёт, оглушит связками лучей...

Надо б раньше...
Надо бы вчера же
вырваться и плыть,
пока корабль —
ничей.

А теперь нельзя:
неистовые стражи
выплеснули сны восторженных грачей...

Надо отойти —
иначе ошарашит,
обожжёт, оглушит связками лучей...

4.

Иды

капли

кап

кап ли

кап

лили

лили и лили

струи мартовского онебевесенья

о небо!

о весень!

кап

кап

карнизы небесных окон кап

кап – лили и

лили

неба лилии голубые вращали

в земную оконную плоть

как

струи

мартовского бляения небесных овец

блуждающих

в голубизне

5.

Лед бу'рен и буру'нен
напористостью граней.

Искры искрылили
искренность играний

Громады грома сталкиваются.

Мосты — в разведении.

Айсберги...

Аи, сбереги **виденье** виденья!

Чтобы порыв весенья влить
в дела, — да будут веком длги! —

Чтоб заструить дуэта нить
иволги и Волги,

реки, бодрящий реки, лед:

«Весна!»

Ручей речей гони вперед,

весна!

Знать, ни реке, ни ручейкам

не ведать сна...

Пусть пасть козла на берегу
взревёт:

«Весна!»

6.

Навоза прель
и прелести весны
Слились в апреле
с пряностью запретов,
В сугробах зеленью
прополыхали сны,
И вот сбываются
неистовые среды.

Бродя среди острых,
стойких
озимых,
среди матрешек
и между иванцев,
весна опять стремится
от зимы
Соструйной пропастью
отмежеваться.
Папаху лета,
взгромоздив на ель,

горит апрель,
распарывая вербу...

И снова — сон.
И снова —
воробей.

Крутой.
Упругий,
Серебристосерый.

И все распахнуто:
и почки, и лучи,

Распахнуты ворота,
строки,
лица!

Ручьи и сучья,
строгие грачи —

стремится!

И снова сон.
И снова пахнет чудом.

Стоишь, как бог.

Стоишь как истукан...

Застыл в раскатах,

ослепленный всюду

босым полетом

каждого ростка!

7.

Радуга

Вот грохот вод из решета
пролил в траву идею роста...

И зелень

землю

режет так,

что россыпь рос —

в сверканьях тоста!

На ста серебряных весах
качнулся тусклый зов кукушки...

Вцветился обруч

в небеса

кольцом

от детской погремушки.

Владимиру Маяковскому

ПредЪикт

сюррационалитический эскиз

Рыжей барышни бег
рыжий Маяковский
двадцатый ве
с непричесанными ушами

растопыренные —
но не топорные —
фразы Белого

фризы белого мрамора
и т лпы! т лпы!

то «пли»! кричащие
а то
топливом уснащающие
брусчатку площади и —
«честь имею!» :

ускользающие фантомы
и
уже знакомые и близкие призраки —
признаки
надвигающейся бешеной пурги:
«ветер, ветер —
на всём божьем свете!»
и белый венчик
(колонны. колонны)
и роз
и выи, выи! —
с ярмом грядущей лучезарной зги
и роз
(колонны. колонны)
белоснежный венчик

Рыжие усики.
(рыжей барышни бег —
двадцатый год. двадцатый век.
двадцатый снег...)

Рыжие усики.
— Что, барышня, трусите?
(колонны. колонны)

- Побледнели, никак?
- Что, барышня, боязно?
Сколь*ко* **Вам**
лет?

Но это уже — Хлебни*кова*
застенчиво-жертвенно-непреклонный
«миро'вый расцвет»

Н.В. Гоголю

о ГО

1. «Б»

Между «хармсом» и «гоголем»
разницы почти нет:
и там, и здесь — по семь букв.

Но Гоголь и Хармс
все же отличаются
друг от — друга:

у Гоголя присутствует мягкий знак!
и на этот знак («Б»!)
он: больше, выше, и — тоньше...

Но-с и Харм-с, ведь

2. Мир без ГО

Он сидел и думал:

Что будет?

Что же теперь будет?

А было вот что.

Да, собственно, ничего и не было —
я же не Хармс!

Это у него, ведь, что-то непременно
должно быть!.. У Хармса-то.

А он (у меня) просто сидел и думал:

Господи! Как же без Гоголя-то?

Да и Пушкина нет...

3. Ворка по ГО

Гоголь — это птица:

Тройка — крылья в лицах.

М.Ю. Лермонтову

У последней черты

Триптих третий

1. В земных оковах

Безумец я! Вы правы, правы!

Смешно бессмертье на земли.

М.Ю. Лермонтов

Не высказать! И не хочу! —
Вам боль души моей — отравы.
Но *разом* обезглавить травы
косе — и той не по плечу:

заголосят! Едва с полей
созревших дум дохнёт пожаром,
займётся песня косарей,
покатится полдненным шаром.

Душа колосьев, что душа
прозреньем вспыхнувшего мозга —
стихом вдруг засвербит в ушах,
зерном заполнится повозка.

Зерно — и смерть. Зерно — и жизнь.
Закон судьбы. Стиха законы.
Под пулю встать поэт спешит.
Как Демон, весь — в земных оковах.

2. В сторону России

Надменный зверь — Бештау гордый
лениво дремлет предо мной.
Враждой извечною упорной
отмечен дерзостный покой.

Суровой Лермонтовской силой,
казалось, вздыбились хребты,
и снова в сторону России
упрямо движутся черты.

Душе спокойной непонятен
пород изломанных разбег:
как плащ с налетом бурых пятен, —
печоринский отброшен век.

Но в каждой складке пятигорья
мне виден исполинский луч —
иного времени Героя
он жаждет высмотреть из туч.

Горит застывшее боренье
корявой тверди и высот...
Могучих скал стихотворенье
как Слово гения встает.

3. Пьедестал (акrostих)

Луна. Лачуга. Лечь любил.
Ещё — езда. Ещё — ехидца.
Рад разъярить **резон** ревнивца:
Мол, «мир, Мартышка, - маскарад,
Очнись, очами озверелый!»

Но не направить **ночь** назад:
Терзаясь Терека тревогой,
Ознобом облака он осветлён,
Ветрами Вечности влекомый.

А.П.Чехову

Ночной тополь

*«Кто мог знать, волнуется он
или нет... сложная глубокая душа»*

И.Бунин «О Чехове»

1.

...то умолкал он, слегка покачиваясь,
А то, порой, пламя какое-то
с ног до головы
внезапно окутывало его
сумеречно — белесоватой рябью,
и весь он словно светился изнутри
невысказанными своими тайнами,
и степь,
степь неоглядная
всякий раз оживала
и шелестела едва слышно
в каждом его затаенном вздохе.

Тихо и осторожно,
стараясь не спугнуть ни один блик,
входил я в этот воздух,

в эти серовато-замшелые сети,
это трепетанье,
надеясь уловить, высмотреть, понять:
как же это он слагает
свою прозрачную прозу —
нет, лучше сказать —
свои, пронизанные серебристым мерцанием,
и струящиеся в глубину корней,
стихи.

Я недоумевал:
откуда в нем,
таком, с виду, стройном,
элегантном даже,
так много первобытных лишайников,
мха дремучего...
Откуда в нем эта паутина,
это серое висенье умаявшейся летучей мыши!

И ведь он, будто бы, понимает эти муки,
эту влажную вселенскую дрожь
затаившегося кокона,
а самое главное — тогда,
когда ветер! —

и как только ему удастся
так преобразится:
стать обыденным
и похожим неожиданно
на всех,
на всё окружающее,
и в этой *пьесе* своей
он также буйствует,
также ораторствует
в сумеречно своем запале,
и он столь же по-актерски деятелен
и неприметен, как все.
Но — крылья!
Крылья у него, кажется, и тогда
будто вдвое больше, чем у всех прочих —
тех, кто подобно ему, всё же силится взлететь,
но, увлекаемый незримым ужасом
мгновенного небытия,
оказывается *театрально изувеченной*
трафаретно изувеченной *чайкой*,
неестественным и отвратительно красивым узором
распластанной на мокром песке
декоративного побережья.

Но когда он начинает быть
уж совсем ни на кого не похожим,
и пробуждается изнутри
лёгкое полыхание и лепет —
это тогда,
когда ветра-то как раз и нет!
И луны нет.
(Но что-то всё-таки серебрит
и как-то слегка зажигает его седину).
Тогда до меня долетает вдруг
этот тихий прохладный шепот,
и я начинаю понимать:
«нет, это не пустяк —
листвы безлунной трепетанье,
и это трепетное таянье
тончайших бликов и ...»

Но вот я,
стараясь быть еще более неприметным,
чем его безлунная тень,
приблизился
к раскрытым страницам его повести,
и будто бы совсем случайно
взглянул туда,

куда он был устремлѐн
всей своей непреднамеренной листвою.

2.

Ах, вот оно что! —
совсем недалеко
через дорогу
робкое деревце
чуть выступало
из недвижимого пространства
ночного *закулисья*,
всѐ окутанное лимонным светом
весьма кстати оказавшегося рядом
фонаря.

С чуть приметной застенчивостью
(почти кустик,
только уж очень высокий)
стояла она,
стройная молодая липка,
вся прозрачная листвою
перед бархатной *портьерой*
безмолвного ночного *театра*,
стояла она,

единственная актриса
на той обнажённой сцене тротуара,
чуть покачиваясь,
совершенно, как и он иногда
(только ещё призрачнее и невесомее),
и вся излучала такую тишину,
такую щемящую свежесть,
недоступную банальным рукоплесканиям,
что и я ощутил,
почувствовал, что весь погружён
в эту тёмно-сиреневую маяту
тополиной страсти,
что руки мои покрываются уже
нежно-серебристой замшелостью,
слегка фосфоресцирующей в темноте,
что глаза, мои глаза —
уже не мои.

Э.

Я,

прежде не допускавший и мысли,
что за столом поэта
может быть какое-то и иное
освещение,

кроме лунного,
всегда презиравший
обнаженную мишуру торшеров
и полуночных фонарей
(свеча — и та смотрела на меня
с насмешливым подозрением),
Я
обнаружил здесь
каким-то внутренним зеркалом,
что начинаю видеть то же, что и он,

мой неуёмный серебристолистый воздыхатель,
что и дышу-то я
уже не своей листвою —
что это — он, он,
что я, так же, как и он,
весь окутанный тем же трепетаньем,
устремляюсь куда-то,
бормоча и пошатываясь;
и совершенно так же, что и он,
не понимаю уже —
как можно чего-то иного желать,
что-то иное видеть,
кроме этого одинокого фонаря,

этого ослепительного и бесстрастного
светового потока,
и такой нежной под ним,
зеленовато-прозрачной,
чистой
после вечернего дождя
молодой липки;
и что разве столь уж необходимо,
чтобы что-то ещё,
какие-то особые слова,
чтобы какой-то иной ветер,
какой-то еще *спектакль* состоялся,
дабы выразить,
попытаться высветить то,
что невозможно,
чего не может быть,
потому что...
чего уже никогда...

Корни мои ощутили упругую свежесть
и полноту.
Легкое мерцающее покалывание
глубоко заструилось где-то внутри ствола

и охватило, поднявшись, все ветви,
всю мою листву — целиком.

4.

... А утром
он — вполне будничен, запылён,
сер и обветшал. И — боже! —
кажется, — в очках и с бородкой
(и с зонтиком — в виде трости);
и я едва узнаю его,
непроизвольно обернувшись.

Он вежливо и галантно
застывает в приветствии,
словно бы приподняв шляпу...

Но не говорит ни слова.

24/1 — 15. XXI.

XIV. Поэмы

Сквозь все голоса

(фрагменты поэмы)

Всех прежних

апостолов

провозгласив «лже-»,

тринадцатым

дерзнул он заявиться
к нам.

Но крики проклятья

вползали уже

с ошестинившейся улицы

в щели окна.

В «мурло мещанина»

глянув,

ему ли

вымаливать

тощий успех!

облаком

в небо

прянул,

едва

штаны натянуть

успев.

И с этих высот архангелевыхоткрывались
стремительно ускользящие

с ерошащимися космами
дали

и проплывали

словесных бурь
вавилонствующие миражи,

но даже

мирадами слезинок
светящиеся рядом облака
понимали,

что от себя,
 как ни пытайся взмыть
выше всех крыш,
не убежишь!
Не убежишь,
когда сетью дождя окутан,
уже занимается в душе
мятежный рассвет;
и чувства,
 «запутавшись в облачных путах»,
отчаянно тянутся к тому,
 что брезжит вдали,
но чего ещё нет.
[...]
«Вдруг
и тучи
и облачное прочее
подняли **на** небе невероятную качку»,

будто по небу
сквозь дождевое многоточие
проводами грохочущую
 неуклюже вихляющуюся
 чудовищную тачку.

И обратный путь,
 дождями стянутый,
короче стал.
И не нужен уже дар пророчества.
Словно разом
 все замки в душе
разомкнуты...

Но, куда не глянь,
 кругом кнуты!
Забичёванному
 свои рубцы от ран
каким стихом укрыть?

Упрячешь разве
 искры
 под соломой!

И буйных слов
 разбужены
 бесчинствующие костры;
библейских масок
лабиринт
 разбит,

разломан.
[...]

5.

Кто с самолётом
 на щеке,
кто шёл с морковкою
 в петлице
вокруг вытягивались,
багровели лица,
трость ядовитилась в руке.
Какая дикость! Фу!
Туристы...

(даже Пушкину, как будто!)

Вопли
отовсюду

круто:

— Вон заразу!

Это — футу..

Мы-то — «футу-»!

Вы-то ввали:
славу будто
мы украли.

Футурале,
футурели...

Вы-то — жрали,

Мы — горели!

Устали быть мы не самими
собой!

Так сбросим имя!

Забудем имя!

И — в бой!..

Добудем имя!

Футурале —
футурели...

Всё ж не ввали
ваши «трели».

Мы — из «буду —»,
вы там-плети.

Нас забудут
наши ж дети...

[...]

И долго эту дверь не отпирали,
где в «дыр-бул-щыл»

надёжно заключенный
заумной

исторической спиралью
закручивался

Алексей Кручёных;

Где с «будущелом» пел наедине
о Ладомире

Велимир великий

и разгорались

бешеные

клики

среди Зангезевых теней:

«**та**ши **ни**фэ оп раэф
мют **эи**т аоппл тэмти
оппн фёюшти оп**о**ф —
омти!..»

Нужны ль будетляне
какой-то Ляле.

Была она — «лялей»
и будет —

лялей...

Но — Лиля!

Лиличка!

— Мама, это — святое.

Мама, у меня — пожар сердца!

То ли, Господи,

«В терновом венце революций
грядет шестнадцатый год».

Вдруг Хлебников

незаметно и тихо

вмешался

(в глазах —

смирренная

озорная шалость):

— Володя,

ретивость-то свою

поумерь!

Не шестнадцатый, всё же,

а семнадцатый год.

Вот,

«Доски судьбы» мои,

взгляни-ка: вот!

— Знаю, Витенька, знаю...

Но хочется же —

поскорей.

И пусть мы с тобою

пока что одни

ВИДИМ ЭТИ ОГНИ —
вострубим! воспоём!
Разве страшна облакам
горная высь-то?
— Верно. Вэ Вэ Маяковский,
я и ты
будем гордиться вдвоём
строгую звука судьбой —
вымокнем в свисте!
Вэ Вэ Маяковский!
сквозь рёв толпы
и топот
конский
пробьемся,
гремя будетлянской трубой,
к самым вершинам
я — и ты.
[...]

Есть и у снежных гор

чары свои

и свои мечты.

И свой,

высотам созвучный,

простор.

10. (P.S.)

Устанут

ночные

станы,

остынут

струны

арфы —

история

снова

станет

лечить

простуду

жирафа.

И факты
 подёрнутся
 сетью
прошедших
 запутанных
 басен.

Угнаться ль за ними!
успеть ли? —
Отлив

 этих волн
 опасен.

Напев их
 оливково-серый
вдали —
 пламенеет
 красным...

Что в трюмах времён
 осело

бурлеска,
грозя
седым
назиданьем.
Привычно
множа
прививки
приемом
стальных
каприччио,
во всё
привносится
привкус
солёной
скабрезной
притчи.
[...]
Взгремел бы
бас Маяковского

пламенен
не трожь
 будетлянское племя!
Не отдадим
 его
 на заклание
тихой сапой
 крадущемуся
 забвению.

И кажется,
 не устоять
поэту
 среди оргии фикций —
вручат ему
 ордер
 по списку
на облако
 с номером «ять».

и всё ж,
 отойдя
 от озноба
всех облакоштаных
 признаний,
взорлил Маяковский
 снова,
цепью веков
позванивая.

дниОка ночи

(фозма)

*Где Бунин? Где Блок?
— Омут глубокий.
(Из давнего альбома)*

1.

Я вырастаю в птичью стаю —
улетаю, улетаю.

В небе — золотистый рай:
хочешь, с ангелом играй;

хочешь, — облаком прикинись.
Или стань Небесным Нинзя...

Ну, а хочешь — стань стрелой
и умчись в простор иной —
там, где прошлого волноба,
где глядеть придётся в оба:

— Вишь, солдатский котелок
там, где Катька и — телок.

Там, где октябрём блистали
стаи воронёной стали.

Ок-
тябрь.
Брь!
Ябрь!

Пёстрое, неясное,
снов
окрасное.

Ну, а в мае свистели
алым пламенем свистели.

Май,
май!
Сви-
стай!
Сви-
рель,
как
сталь!
Май!
Май!
Сле-
тай

сви-
рель-
ю
стай!

Слетай, свистай!

Но свечение птичье,
рабочье величие
не ограничит ли?

2.

Око око
нако нако
инда дни
инда дни

оканоко
оканако
Эн! Эн!

аноака
нокооко
ичоноко
Эн, эн...

И снова — грязное,
серое, неясное,
острое, штыкастое,
мордастое, ордастое.

Ок-
тябрь!
Слеза.
Ох, рябрь —
в глазах:

багряное, красное —
огнеопасное.

Красноябрь и краснобай —
посреди батрачьих стай.

Сви-
рель
сви-
вай!
Транспарантами
играй!

Вот барабаны —
тупые охластые,

рвущие раны
растущей массы:

орущей, ревущей
в бреду идущей.

Русь! Русь!
Я боюсь.
Ох, ох! —
грядёт молох.

3.

Ох, не валко и не шатко
тащится моя лошадка —
многоликая худора
без укора, без упора.

— Бятко, бятко!
Батя, братко!
Не устала ли наша лошадка?
Не опрокинулась бы кобылка!
Здесь так лихо! И так хвылко!

Ох, Русь!
Я напьюсь...

Окта шени, **о**кла вени
ох, ночь-ночь-ночь!

Окла венхо, окта шенхо —
Эн, эн!
И, и!..

аро духа
аро ора
одинокая худора.
Ох, ночь-ночь-ночь!
Лихо, лихо!

аконидо
ока нако
без укора, без упора.
Лихо, лихо!
ох, ночь-ночь-ночь!

абон**л**ова
акон**и**до
ичон**л**ови
воканидо

— Эй, эй, погоди!
что белеет впереди?

ичонадо
барабузя
унокидо
езулкузел

Впереди — неясное,
серое, ордастое.

абоч лова
агонондо
Эн, эн!

Красное, красное!
грозное, штыкастое.

Эх, эх!

Шатко — валко,
валко — вылко
топает моя кобылка.

Бятко — ботко,

ботко — бятко
тащится, бредёт лошадка

онакано
аконока
анаконо
оканако

Ах, рябь
в глазах!
Октябрь.
Слезай!

4.

Физики давно твердят
 $E = mc^2$.
Ну, а Если E — в отряд,
возрастёт ведь во сто крат!

Шты-ка —
сто E !
Ор-да —
сто E !
Мор-да —
сто E !

Кому — низ,
 кому — верх,
кому синица
 кому — стерх!

Кому — Родина,
 кому — рот.
Дорога пройдена —
коммуна прёт!

Каста ногаста.
Каста рукаста.
Каста ордаста,
горласта, штыкаста.

Взмыл над площадью свисталь —
брызнул из ружейных стай!
Свиристели засвистали
октябрём из острой стали.

Штык-шты-кшты-кшты!

Ор-да
гор-да.
Штык-шты-кшты-кшты!

Без разбора, без укора —
ни зазора, ни позора.

Грянул гимн. Миг
лун
миг-
нул:
ярг — ярг! Око — око!
Мор-
гнул:
на — ко, на — ко
морг
морг
штык-шты-кшты-кшты!

«И идут без имени святого
Все двенадцать вдаль...»

Ни упора, ни позора — ярг, ярг!
Око — око, на — ко — на — ко, ну — ка:
май, май!
сле-
тай
сви
рель-

ю
стай!

С вес-
Но
ю,
май,
судь-
бо-
ю
стань!

Кра-
сное, май,
Вы-
ше вздымай!

Котелок,
котелок —
кому — Катька,
кому — телок.

Кому — низ,
кому — верх;
кому — синица,

кому — стерх! — Каста
лобаста.
Каста
рукаста.
Каста —
серпаста
и
молоткаста.
Баста!

...Над старой площадью опять раздался гимн.
и с лаем пса соперничают Пётр и Николайка.
И, словно вставшая не с той ноги,
ворчит с утра смурная где-то за оврагом
балалайка.

P.S. Автор не всегда разделяет действия
и суждения своего лирического героя.

в ступлених втретью ты

Сюита «Millenium»

*ты не можешь присвоить себе
Я другого; по отношению к твоему
собственному Я оно — всегда — Ты;
но есть еще нечто третье — на
самом краю*

*снаМи Ра
(Надпись на стекле)*

1. Там-там

¹ Дай мне понюхать грушу
желтую медвяную дурманно-прозрачную
наливную
г р в'ш у
и я скажу тебе стру
шу я или не стру
шу стру шу
или не стру

² на ли это там загорелась

на самом краю ВРЕ
МЕНИ и ПРО

³ странно!

что это я в самом деле

Господи!

про что про

что это я ПРО

⁴ никнуть бы туда где б никогда и не

и ни

ни-ни!

Никогда б не сияла эта гру

⁵ ША! (Будет! Довольно!)! эта гру

бость дикая людская свире

свирепая

⁶ свире

ль моя вдалеке заалела (репа ли

сердцеликая

груша ль там)

там —

на самом краю

там где

⁷ (там-тамы вдруг этому сердцу в такт

загрохо)

⁸ та ли

эта ли свирель вдалеке та ли

струна

загорелась внезапно там

на самом краю

(там-там или гром?

может, это гроза!)

На самрм

(а где же мой зонт?!)

у самой черты гори

зонт загорелся внезапно!

на само

↪ гром там или мат: морг ←

нуть лишь и — вот она стру

шу я или не струшу

стру

на само

⁹ (кате искрой промелькнулыскрылся

очень чистый

и в галстукe

мальчик — чик ! (чик-чик)

2. Свирель

- ¹⁰ на самом краю свирель моя
¹¹ свире
пый ТИГР он-же-не-только-в-тех
заклятых !за-клет-ных! джунглях
на самом краю гор
мальчик
в галстук
свирепый тигр — струны горизонт и свире —
тише!
- ¹² СВИОЭЛЬ уже легла и свернулась кала-
чикОм (чик-чик)
- ¹³ ОМ_м
мммм-----
^эт_о тот [ТОТ] звук (к к к к ко)
который
чиК чиК(к)
ко всему прочему устройству мира
был прилажен ранее так
(чик!)
прилежно (тРик-тРик, тРик-тРак)
прилажен так

прилажно
приложен (тик тик)

что

14

А что — «что»? —

примером тому ухо
свирели послушное или
ели
свир

15

Эх!

Не привык я
нак много (го го) го
ворить об этом эта
это

эта свирель — это
эта

лон лона уха
ха!

16

уха' ли это на костре кипит

филин-сова ли ухает

сло'ва' ли

у'ха' ли

ее ли запах

слова ли ели смолистые

или это гру (гвру гвру)

[ге ты гуру моего прежнего Я!?)
гру
та самая груша медвяная
прозрачногрудая
благоухает
при-зрачная прозрачно-при про

3. Тон Вивальди

¹⁷ про что это я опять? Ах, да! –
про
стру (НУ и НУ!)
просто ПРО стран-с
твоЙ Е(е-е!)СТЬ вре
МЯ (РАзве!) разве
вающееся яркожелтым галс
туком на груди развитого не по летам
мальчика
резвомчащегося на самокате людской
гру
(ох и грущу же я, Господи!)
грубости тупой булыжной гул
кости на самогате (в самиздате 60-х
«Г» была хорошая буква!) проГромы–Гав!–шем

23

пыль
 с он
 пил с ор
 пир(р) с тар
 с тан
 ГО — вор
 с таль — с тон
 с то
 л ст у
 л ст
 вол с
 тыл с т у к
 с ер д
 ц а
 М»

Г

О

24

«Не трогать, свежевыкра-»

ден!..
 День-то какой наступил!
 Или это НО
 га моя ру Ась?
 ка осту

ХV. ПОСТЛЮДИИ

Заключительный триптих

1. Эхо с хором

дискар^ии дискор^о
мы видим эхо с хором
мы слышим скор^ом эхо
дихсхор^о
видех^о

дисвид^ии дисл^ыхо
вы мы^ди ска^ри ских^ом
вы сл^ыди сх^ико вэ^рим
диск^ихо
мысдэ^ри

мыдэ^ри и дисхор^о
мы слышим экомсхор^о
дискар^ии дискор^ум
диск^ихо
видэх^о

выдех^о висл^ыди
вы ми^ди сх^имо вэ^ри

2. Звуки руин

простор
просто — ор!
ор Гия ор
кестра в место
тихой музыки

пахучая *уитка*
выползаю
щаяиз
кресла и чресла
люстр
раскачиваю
щихся брил
лиантами потух
шихог
ней ах! ох! орх!
идей искус
но я — игрок ор

сук с усом укуса ко
бр! (Шарлотта Корде.)
Ак корд орд

Друиды. Иды. Ру - иды (стоп! — ины)
ру
ины
орх

и

3. Звуки надежды

Отогнал бы я *акналп*
от окна.
Обогнул бы *лунгобо*,
абы гну.
План составил б я, анSOS,
вилы б гнул.
Лун бы *гобо лангото* —
анкото,
унгы ба!

Но нет: ни звука я теперь
Мадзи ен.

Алфавитный указатель

Аксиопа поиска	72
Андantino.....	35
«Бездонные сгустились тени...».....	22
Бесконечный НонаК.....	76
Бын.....	17
В земных оковах	128
В сторону России.....	129
в стуПЛЕНИЕ втрЕТЬе тЫ	171
Верочья чора	81
Вертикаль.....	31
Веснение	112
Выражи	88
Дань 63.....	110
De profundis.....	21
дниОка ночи	158
ДООСу.....	82
зАНЬ	113
ЗвонцАны	78
Звуки надежды	182
Звуки руин.....	181
Зилана	91
«Зиме пора весниться...»	112
Знаки осени.....	26

«Как Вещь сквозь кувыркание...».....	48
Иная словень.....	72
Инвенции	49
Иды	115
Интермедия I.....	19
Интермедия II.....	43
Интермедия III.....	71
Интермедия IV	96
Интермеццо.....	57
«К».....	95
Как всегда.....	18
Ладна.....	29
Лед бу'рен и буру'нен.....	117
Лики музыки.....	82
«Лишь одной...».....	23
Мелизм.....	94
MementoRoom	44
Музыка состояний.....	52
Навоза прель.....	118
Надо отойти.....	114
Нокс	74
НО в ость	96
НоктюРН.....	63
Nota bene.....	99
Ночной тополь.....	131

ноэль.....	14
о ГО.....	126
Октоль.....	25
«Он умел рисовать ...».....	41
ОПОФОМЫ.....	99
«Очинен яд трубы велиен...»	40
«Под небеса взметнулся поезд...»	34
Последний лист	38
Post hominum	33
Постлюдии	180
Поэзодела.....	89
ПредЪикт	122
Прелюдия	52
«Прямо с голубову неба...»	42
Пьедестал.....	130
Радуга	121
Раскрывая рояль	20
Речевола.....	73
РоКот	75
с Мы и — без	84
«Свидетельством нездешнего...»	44
СвИтофор.....	86
Sis.....	90
Сквозь все голоса.....	140
Слово о Велимире	108

«Снова песни перепел...»	33
Сущь.....	85
(те и) Эти кетки.....	87
«Течение наших глубинных струй...»	71
У портрета Оскара Уайльда.....	45
У последней черты.....	128
Узил	89
«Узок язык...»	19
Фуга.....	54
Хашуаны.....	80
Хы! – Не чурка А. Крученых	107
Чакона	65
Чарзор.....	16
Элегия	36
Эхо с хором.....	180
Южный Крест	47
«Я видел два валуна на берегу... ..»	43
«Я себе давно не верю...»	46

ДООС

Добровольное общество охраны стрекоз 1984 – 2015

Основатели:

Стихозавр Константин Кедров-Челищев
и libellula Елена Кацюба.

Вольное общество поэтов пополнили

Стрекозавры Андрей Вознесенский,
Генрих Сапгир, Сербозавр Милорад Павич

Пришли звезды андеграунда:

Заузавр Сергей Бирюков,
Огнезавр Герман Виноградов
Лингвозавр Вилли Мельников,
СтрекозАль Маргарита Аль,
Саксозавр Сергей Летов,
СтрекИзида Анна Альчук
Звукозавр Лоренс Блинов,
Лайнзавр Владимир Опара,
Палиндрозавр Александр Бубнов,
Новая Доосская Алена Мартынова,
Найкозавр Найк Борзов,
Оса ДООСа Кира Сапгир
Art-стрекоза Нина Зарецкая

Дудозавр Игорь Дудинский
Зиоса Света Литвак
Веразавр Вера Сажина

Членами ДООСа также стали:
Линзазавр Виктор Ахломов,
Валерия Нарбикова,
Доосозавр Вадим Рабинович,
Кириллозавр Ковальджи
Борис Рахманин,
Текстозавр Александр Люсый
Днепрозавр Александр Чернов,
Боллозавр Александр Ткаченко
Стреказелла Галина Мальцева,
Светозавр Андрей Вradий,
Дева нот Алла Кессельман
Графикозавр Кристина Зейтунян-Белоус,
Прозостихозавр Анатолий Кудрявицкий,
Стреказанка Лидия Григорьева,
Стрекозабочка Леся Тышковская,
Книгозавр Виктор Корольков
Никозавр Николай Еремин
Крымозавр Андрей Коровин
Кистезавр Андрей Бондаренко
Австрозавр Виктор Клыкoв

Братскозавр Владимир Монахов
Пчела Ганна Шевченко
Дадазавр Денис Безносос
Слонозавар Ольга Ильницкая
Торозавр Алексей Торхов
Лавразавр Александр Моцар
Зомерзавр Татьяна Зоммер
Украинозавр Игорь Балюк
Одуванчик Ольга Лебединская
Ижезавр Игорь Крестьянинов
Лизазавр Лиза Готфрик
Энтомозавр Петр Кобликов
Muv-стрекоза Ирина Бессарарабова
Стрекозавр Валерий Мутин

Титул Друзья ДООСа приняли
Игорь Холин, Алексей Хвостенко,
Марина Герцовская, Эльмар Гусейнов,
Михаил Молочников, Елена Пахомова,
Евгений Степанов, Алина Витухновская,
Ирина Силецкая, Наталия Азарова,
Дмитрий Плахов, Александр Гумённый,
Лена Де Винне

Автор эмблемы ДООС – Сергей Бордачёв.

Содержание

От автора	7
ноэль (интродукция)	14
I. Триптих первый	
1. Чарзор	16
2. Бын	17
3. Как всегда	18
Интермедия I	19
II. Только о музыке	
1. Раскрывая рояль	20
2. De profundis	21
3. «Бездонные сгустились тени...»	22
4. «Лишь одной...»	23
5. Октоль	25
III. Параллели	
1. Знаки осени	26
2. Ладна	29
3. Вертикаль	31
IV. Post hominum	
1. «Снова песни перепел...»	33
2. «Под небеса взметнулся поезд...»	34

3. Andantino.....	35	
4. Элегия.....	36	
5. Последний лист.....	38	
V. Триптих второй		
1. «Очинен яд трубы велиен...».....	40	
2. «Он умел рисовать...».....	41	
3. «Прямо с голубову неба...».....	42	
Интермедия II.....	43	
VI. MementoRoom		
1. «Свидетельством нездешнего...».....	44	
2. У портрета Оскара Уайльда.....	45	
3. «Я себе давно не верю...».....	46	
4. Южный Крест.....	47	
5. «Как Вещь сквозь кувыркanye...».....	48	
VII. Инвенции.....		49
VIII. Музыка состояний		
1. Прелюдия.....	52	
2. Фуга.....	54	
3. Интермеццо.....	57	
4. Ноктюрн.....	63	
5. Чакона.....	65	

Интермедия III.....	71
IX. Иная словень	
1. Аксиопа поиска	72
2. Речевола.....	73
3. Нокс	74
4. РоКот.....	75
5. Бесконечный НонаК.....	76
6. ЗвонцАны	78
7. Хашуаны	80
8. Верочья чора	81
X. Лики музыки	
1. ДООСу	82
2. с Мы и – без.....	84
3. Сущь.....	85
XI. Иное	
1. СвиТофор.....	87
2. (те и) Эти – кетки.....	88
3. Выражи	89
XII. Поэзодела	
1. Узил	90
2. Sis.....	91

3. Зилана	92
4. Мелизм	95
5. «К»	96
Интермедия IV. НО в ость	97

XIII. Nota bene

Алексею Кручёных

1. ОПОФОМы	100
2. Хы! – Не чурка А. Крученых	108

Велимиру Хлебникову

1. Слово о Велимире	109
2. Дань 63	111
3. Веснение	113

Владимиру Маяковскому

ПредЪикт	123
----------------	-----

Н.В.Гоголю

о ГО	127
------------	-----

М.Ю. Лермонтову

У последней черты. Триптих третий	129
---	-----

А.П.Чехову

Ночной тополь	132
---------------------	-----

XIV. Поэмы

Сквозь все голоса	141
дниОка ночи	159

в стуПЛЕНИЕ втрЕТЬе тЫ.....	172
XV. Постлюдии	
Заключительный триптих.....	181
Алфавитный указатель.....	184
ДООС.....	188

Лоренс Иванович Блинов

Из ПО+ Стихостаси

Блинов Лоренс

Из ПО+. — Стихостаси. — М.:
Издательство ДООС, 2015. — 196 с.

ISBN 978-5-9906507-2-5

Стихи известного авангардного композитора и поэта Лоренса Блинова — звукоорганизмы, которые вбирают в себя изначальный смысл вселенских вибраций. Он расщепляет звук до первоатома смысла, а затем, расщепляя сам атом, извлекает из него бесконечные множества новых смыслов. И всё это рождает новый звук небывалой доселе музыки слова.

@ Издательство ДООС Маргариты Аль

Подписано в печать 30.04.2015.

Формат 84x108/32. Гарнитура LiteraturnayaС.

Печать офсетная. Бумага мелованная.

Объем 6,125 печ. л. Тираж 3000 экз.

Отпечатано в типографии ООО «ПАК ХАУС»,
117420, г. Москва, Профсоюзная ул., д 57.

ISBN 978-5-9906507-2-5

9 785990 650725